
ВОЗРОЖДЕНИЕ на РОДИНЕ

Ереван
Ноян Тапан
2007

УДК 882-8
ББК 84Р
В 647

Редактор Е. Асланян

В 647 Возрождение на родине.
Сборник / Ред. Е. Асланян. - Ер.:
Ноян Тапан, 2007. - 68 с.

В сборнике представлены произведения как начинающих, так и имеющих широкую известность армянских авторов, пишущих на русском языке и отображающих современную армянскую действительность.

4702010206
В _____ 2007
804(01) 2007

ББК 84Р

Публикуется при финансовой поддержке Управления
Верховного Комиссара ООН по делам беженцев
в Республике Армения

ISBN 978-99941-44-62-4

Жизнь беженцев даже в промышленно развитых странах трудна, поскольку связана с ломкой привычного образа жизни, необходимостью адаптации к новой языковой среде, климату, поиска нового круга общения, поиску нового «Я».

Программы УВКБ ООН в Армении направлены на обеспечение прав и благополучия беженцев, поиска долгосрочных решений. Одной из важных составляющих в работе УВКБ ООН по интеграции беженцев в полноценную жизнь в Армении является способствование их творческому самовыражению, содействие талантливым беженцам в реализации своего потенциала, создание условий для их интеграции уже в творческие круги как на родине, так и зарубежья.

Радует, что эта наша деятельность приносит реальные плоды: всё более и более активным становится участие одарённых беженцев в культурных процессах общества.

Свидетельством тому является и данный сборник, в который вошли произведения восьми авторов.

Имена Татьяны Мартиросян - призёра «Русской премии» 2006, Сергея Гукасяна - лауреата Международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» 2006, Елены Асланян - призёра Международного литературного интернет-конкурса «Женская война» 2004, Овсанны Симонян давно уже известны широкому кругу читателей.

В сборник вошли также произведения начинающих авторов, для которых, как мы надеемся, поддержка читателей и коллег по перу станет хорошей стартовой площадкой.

Участие в сборнике авторов, не являющихся беженцами, отвечает основному принципу интеграции в единую творческую семью и, хочется надеяться, послужит для сближения и дружбы всех авторов, читателей.

На обложке сборника - одна из картин профессионального художника Романа Айрияна, бывшего бакинца, с любовью воспевающего красоту армянской земли.

Именно любовь к родной земле, к ближнему отличает все без исключения произведения сборника. Рассказы и стихи наполнены светом, очень лиричны и станут прекрасным подарком для всех, внушая не только надежду, но и веру в Возрождение.

Представительство УВКБ ООН в Армении

Овсанна Симонян

Когда я весела, я вызываю удивленье.
Как не понять вам, что исстрадавшись,
Я научилась радоваться жизни.
Пусть пустяку, тому, что может незаметно.
Я научилась радоваться жизни.

Аллея фидайнов — застывших в камне,
Безмолвных и печальных.
А некогда живых,
Бесстрашных и прекрасных.
Как вкус у смерти безупречен,
В отборе лучших среди нас.
Аллея скорби и утрат.
Аллея — памяти армянской.

Упавший лист меня коснулся.
И я заметила, что осень наступила.
Капля дождя слилась со слезой.
Плачут душа и небеса.

Ах, если бы природа хоть раз ошиблась,
И после осени, зима б не наступила...
Но, встретятся зима и осень -
Снег и опавшая листва.

Живу, с судьбой заигрывая я,
Хочу казаться слабой я.
Но ей известно, что сильна,
И испытывает всё меня.

Татьяна Мартиросян

Вы играете продуманно и тонко,
Я в глаза вам больше не смотрю,
Я без умолку, презрительно и звонко
И смеюсь, и что-то говорю.

Ветер гонит веточку чинары,
Я шепчу: "Жонглируй, дорогой!
Но в жасминных сумерках бульвара
Целовать придет меня другой".

Сумрак вечера, соленый запах моря,
Стонет чайка в родственной тоске,
В песню вечности вплетает вскрики горя,
И чинары ветка на песке...

Змея над чашею бальзама —
Любовь и ненависть сплелись.
От древа Евы и Адама
Вкусили мы и разошлись.

Ты здесь. Шагнуть к тебе — и рядом,
Прижать к плечу горящий лоб,
Любви наполовину с ядом
Отпить дымящийся глоток.

Но денно, ночью выжидая,
Над чашей сторожит змея.
И яд, по капле убивая
Любовь, стекает за края.

Горит зеленое сукно,
мы ставим оба на одно —
на чудо...
Игра! Но, спутав все слова,
ложится чья-то голова
на блюдо...

Твой или мой в гримасе рот
Отныне пища для острот.

Смыкает веки резь в глазах,
кровь на закушенных губах,
столь любящих...
Уже зардела пена слов,
рождающих в игре любовь
и губящих...

И четко пала тень лица
С горбатым профилем конца.

Но каждый, балуясь с огнем,
лишь от другого день за днем
ждал знака...

Храня так бережно, увя,
ручное пламя гибкой лжи
во благо...

Мы разошлись, не пряча глаз,
Но кто-то нежный умер в нас.

И Я БРОСИЛА МОНЕТУ

— И когда я вижу такое, мне хочется убить и этого шофера, и эту мать! Его потому, что требует с нее деньги, а ее потому, что просит плату за сына — за то, что его убили... Хотя я понимаю, как ей трудно жить... И шофер прав... с точки зрения люмпен-бизнесмена...

Айк говорил с паузами, напрашиваясь на возражения. Но мне не хотелось возражать. Я его понимала. Это была типичная по нашим дням «транспортная» сцена, и, слушая Айку, я видела на своем внутреннем экране и озлобленного шофера, и старуху, выкрикивающую слова гнева и боли, и свидетельство об убитом на войне сыне в трясущихся руках.

— ...и в нее попала шальная пуля...

— В кого?

— Ты не слушаешь? Собака. У меня до войны была собака. И она увязалась за мной. Понимаешь, она так меня любила, что не могла без меня жить. Она бежала за машиной и скулила. И я взял ее с собой. И ее убило шальной пулей... Она все равно не смогла бы без меня жить.

Господи, да он мучается виной перед собакой!

Она не могла без него жить и получила за это пулю.

Интересно, каково это — получить пулю, пребывая в счастливой близости к обожаемому хозяину? В уверенности, что раз он рядом, то все в порядке.

Куда летела эта пуля? Что вообще такое шальная пуля в контексте принципа детерминированности?

— ...и никому ничего не расскажешь. Никому нет дела до того, что ты переживаешь. Даже родителям. Им лишь бы знать, что я жив-здоров и у меня все в поряд-

ке... Все правильно, я понимаю. Но у меня на глазах убили лучшего друга. Умер за несколько минут. После этого все воспринимается иначе... Один раз я остановился посреди боя, в самый разгар. Стою, как идиот, и думаю: «Что я тут делаю и зачем все это?»...

— Войны будут всегда.

— Не-е-ет!

— А твое «не-е-ет» вызвано тем, что такое говорит женщина. Но у меня тоже изменились критерии и порог чувствительности... после всего. И куда-то провалилось чувство реальности. Со мной ли все это происходило, происходит? Два года назад мы были близки. Почему я сейчас не чувствую ничего, кроме сострадательного интереса?..

А мир на земле невозможен вот почему. Чтобы установить этот самый всеобщий мир, нужно либо изменить человека, либо навязать ему насильственно определенные условия. В первом случае это будет не человек, а нечто иное; во втором — не жизнь, а опять-таки нечто иное. Живое умирает, когда на него накладывается схема, даже прекрасная.

— Ужасно, если ты действительно так думаешь.

— Знаешь, а я хотела бы побывать на войне.

— Зачем?

— Может, если я испугаюсь смерти, я почувствую себя живой.

— Что ты несешь! Ты не представляешь... Незачем тебе туда.

— Вот именно, что представляю. Ты рассказываешь, а я — представляю. А я хочу увидеть сама. Хотя, наверное, вру. Больше всего мне хочется проверить, испугаюсь ли я.

— А, знаешь, я пошел на войну... нет, конечно, патриотизм и все такое, все это было, но было и то, что я

хотел убедиться, что я не трус.

Айк пошел на войну добровольцем, хотя мог бы и отсидеться. Имелась возможность.

Заслуживало ли это уважения?

При всей гадости и грязи, стоящих за всякой войной, безусловно, да. Я уважаю пацифистов, а также не осуждаю тех, кто дал деру за границу, но добровольцы вызывают у меня восхищение. Никуда не денешься, древний женский инстинкт — тяга к настоящему мужчине. Хотя...

Я вспомнила другого добровольца, совсем мальчика. Ему было девятнадцать; на войну он ушел со второго курса института; общий знакомый привел его ко мне в его первый отпуск. У парня было совершенно отрешенное, почти безумное лицо. Он никак не мог поднять и удержать взгляд, чтобы посмотреть в лицо собеседнику или просто перед собой. Глаза будто куда-то проваливались. И он все пытался что-то рассказать, но только повторял и повторял: «Ти чи, э-э-э, Андо, ти чи!» («Все не так, Андо, все не так!»).

Конечно, все не так, если лучших командиров отстреливают. Если через минное поле с виртуозностью балерины, выделяющей фуэте, проезжает танк, останавливается перед нашими укреплениями, и русский офицер кричит оттуда спокойно и весело: «Эй, ребята, вы видели, как я проехал? У нас все ваши карты! Так что уходите, подобра-поздорову, пока целы. Сегодня надо, чтобы вы отступили».

И, конечно, все не так, если цветут-процветают мародеры всех рангов.

Во всех сражениях на свете побеждают мародеры.

Парень погиб от шальной пули сразу, как вернулся на фронт.

Интересно, он по-прежнему считает, что все не так?

Айк на мальчика не похож, хотя ему от силы двадцать пять. У него тяжелый, жесткий взгляд. Карие глаза, вспыхивающие против света желтым тигриным огнем. Нос изломанный, почти расплющенный, очевидно, плата за черный пояс. Ему очень идет черно-зеленая защитная форма. И у него совершенно отсутствуют комплексы, присущие нации, которой мы оба обречены.

Удрученный моим молчанием, Айк тоже умолк. Я воспользовалась паузой, подхватила куртку и подошла к зеркалу.

И тотчас за моей спиной выросла черно-зеленая тень.

— Знаешь, я все время еле удерживаюсь, чтобы не обнять тебя.

Знакомые властные руки легли на мои плечи. Знакомый уверенный взгляд. Но эта уверенность, странным образом, уже не пленяла, как раньше, а вызывала досадливый протест.

— Не надо!

— Почему?

— Отойди!

— О-о-о! Какой грозный тон.

Отдернул руки. Отошел. Хохотнул.

— Какой, однако, тон! Если б вы были не леди, а я не джентльмен...

Снова хохоток.

— Ну за тон прости, но...

— Все. Я понял.

— Что?

— Что, когда мы поссорились и ты меня прогнала, я не должен был... а теперь свалился как снег на голову через два года и... Да?

— Нет.

— Тогда спрошу прямо. У тебя осталось еще что-то

ко мне?

Ох, не хотела я этого вопроса... Как сказать нет человеку, который каждый день рискует головой?

И что заставило его разыскать меня сейчас? Неожиданно всплывшее воспоминание? Тоска интеллекта, загнанного в тело, которое каждый день бьют на тренировках?..

А что если сказать да? Вдруг свершится чудо? Оживет спящий подземный огонь. Прорвется сквозь грунт лишений последних лет и заплещет веселым и злым пламенем страсти.

Где-то рядом звякнули стрелы в колчане легкокрылого вечного младенца. В лицо пахнуло ветром, рвущимся от мотоцикла.

Как мы тогда гоняли по городу!

— А как мотоцикл?

— Что?

— Мотоцикл. Твой мотоцикл. Я его так любила... Помнишь, как он таранился на нас фарами?

— Нет мотоцикла. Я его продал. Пришлось.

— Продал? Продал мотоцикл? Как ты мог?

— Я же говорю, пришлось. Я попал в аварию. Я же рассказывал.

Черт! Продал мотоцикл! Вот когда мне стало больно. Я ничего не почувствовала, когда он упомянул о ранении, я ничего не помнила об аварии, а вот мотоцикла мне было жаль до смерти. Жутковатая инверсия чувств. Мне стало стыдно.

Я посмотрела на Айка.

— Успокойся, ты мне ничего не должна.

Понял. Умный черт. Даром что психолог. По диплому.

— Ты не обязана испытывать ко мне какие-то чувства.

— Не какие-то, а одно и вполне определенное — теплое, светлое, братское, нет — сестринское.

— Так это ж славно!

— Вот как?..

Золотая шкура тигра сверкнула за черными стволами деревьев. Заросли сомкнулись за удаляющимся треском ветвей.

— Я серьезно. Мне хорошо с тобой. Даже если ничего не удастся вернуть... Ты мне желанна, но я буду ждать, пока ты сама захочешь. Все зависит от тебя.

— А если я не захочу?

— Вот как?..

— О-о-о! Какое стало тяжелое лицо.

— Не бери в голову, мне просто надо отлить.

Я расхохоталась.

— Люблю молодца за искренность.

— А я не люблю искренних женщин. Женщины искренни только тогда, когда хотят причинить боль.

Я сжала его руку, почувствовала ответное пожатие. Приподнялась на цыпочки, легонько коснулась лица.

Легко. Очень легко. Слишком легко.

Вот оно в чем дело: чары рассеялись.

Темнолицый бог отбросил волшебную свирель и пошел спать.

Я отстранилась.

— Скажи, а почему у тебя нет девушки?

На мгновение он оцепенел, потом небрежно пожал плечами.

— А, не знаю.

— Станный ответ, особенно для психолога.

— Образ жизни не позволяет.

— Ничего серьезного, ничего высокого, а также глубокого? Дозволено только скользить по поверхности. А что обычно плавает на поверхности? Угадай с трех раз.

— Фи! Не ожидал от тебя.

— Хм! Ну тогда так: на поверхности у нас плавают, играют и переливаются ослепительные золотые блики. Ночью — серебряные.

— А интересно, можно ли скользить по высоте?

— Можно. Называется — парить.

— А по глубине?

— Тоже можно. Называется — вязнуть.

— Если вы увязнете и ко дну прилипнете...

— Год лежите, два лежите, а потом...

— А потом является некто и еще чего-то, гад, требует.

— Не чего-то, а свежераспустившихся роз.

— Розы... Здорово пахли розы...

— Вольное изложение Тургенева?

— Парень один из моей части... Нас забросили в... один город. Его город. И он попросил... «Так хочется, — говорит, — свой дом повидать!» Мы и пошли. Дом, конечно, был разрушен. Полностью. А вокруг дома был сад. И розы цвели, как ты сказала, свежераспустившиеся. Так он встал на колени и заплакал. А потом мы набрали огромный букет этих роз и, когда вернулись, отнесли его матери. А она сразу сказала: «Это розы из нашего сада. Как, — говорит, — вы их достали?» По запаху узнала.

— Сволочь ты. Всегда так повернешь, что я чувствую какую-то вину.

— Дурочка! Ты-то тут при чем? Наоборот. Это я должен просить у тебя прощения.

— За что?

— Вел себя по-идиотски. И тогда и сейчас.

— А сейчас все зависит от меня, да? Эх, жаль, монеты исчезли из обихода, а то бы загадала на орла или решку.

— Да, это серьезный недостаток нашей финансовой

системы. Вот когда я стану президентом...

— Ага, всего через восемь лет. Ты согласен столько ждать моего решения?

— Почему восемь?

— Два года назад ты говорил десять. Минус два.

— Надо же, как время летит!

— Готовь предвыборную речь.

— Уже готова — «Поедем ко мне!» Ну как, электорат, за?

— А ты сначала изложи свою программу, хотя бы на ближайшие полгода.

— Ну на следующей неделе иду на задание. Очень опасное. Могу не вернуться.

— О, Боже!

Ужас-жалость-восхищение-чувство вины... Снова эта кружащая голову смесь забурлила, запенилась, обжигая брызгами.

Но нет! Не дважды об одном.

— Трубят трубы, гремят барабаны, юные девы венчают героя... И ты с этим шел ко мне? Разыскал через два года. Да еще дал телефон части! Я позвоню, а мне скажут: «Такой больше не числится в живых»... Мерза-а-авец!

— Нет-нет. Все не так. Ты все не так поняла. Я не собирался ничего этого говорить. Я просто хотел тебя увидеть. Ностальгия замучила. По тому времени.

— Прости. И вообще прости.

— Звучит как «прощай».

— Знаешь, что самое главное в жизни?

— Нет. Но, спорим, что бы ты ни сказала, я назову что-то, что еще главнее.

— Спорю.

— Ну?

— Чувство реальности. Назови мне хоть что-то «нас-

тоящее». Если нечто перестает быть, значит, оно не настоящее. Если живое существо можно убить, если чувство умирает, если идею профанируют, значит, все это не настоящее. Человек идет на войну за свободу, родину, веру, а там — ложь на лжи и ложью погоняет.

- Но таков закон: жизнь творится через смерть.
- Но я... ну не нравится мне это!
- Хм! Ну тогда прости. И вообще прости.

Я смотрела ему вслед. Черно-зеленая куртка покачивалась на таких сильных, надежных плечах.

А тогда куртка на нем была кожаная. И я прижималась щекой к холодной коже, прячась от ветра. А потом отпускала руки, разбрасывая их, как крылья, и он кричал: «Держись крепче!»

Через три дня я позвонила в часть. Скучающий вредноватый голос дежурного ответил, что Айка нет.

Зеленый лист, единственный среди пожелтелых собратьев, сорвался и полетел вниз, на черный мокрый асфальт.

— А когда он будет?

— Сегодня уже не будет. Ему позвонила жена. У них ребенок заболел... Вы меня слышите?

Когда серый туман перед глазами рассеялся, я открыла настежь окно, разорвала на мелкие кусочки блокнотный лист с телефоном и сыпала в подставленные ладони осеннего ветра. Секунду помедлив, сорвала с цепочки монетку, которую он когда-то подарил мне на счастье. Монетку ветер не удержал. Она, звякнув, упала прямо у ног девочки-нищенки. Девочка подняла голову и посмотрела на меня. Я скривила губы в попытке улыбнуться. Девочка пошевелила губами, очевидно, произнося обычную для нищих формулу благодарности, подобрала монетку и, сжав ее в кулачке, побрела дальше.

Сергей Гукасян

САГА О БТР-е

1.

Это была уже очень старая машина. Рядом с новейшими модифицированными БМП-3 и БРДМ она выглядела воплощённым анахронизмом: оживший звероящер из доисторических времён, да и только. На покой бы ему, на заслуженный, но... не обрёл его символ отжитого социализма и брежневской эпохи (которую частенько называют благословенным застоем). Умереть естественной для металлолома смертью в адском горниле цехового мартена отслужившему век ветерану было, видимо, не суждено. Ржавеющий от бездельного застоя, БТР-60 ПБ за номером 0992, в один из дней отыскали на богом забытом складе списанной техники расформированного Закавказского военного округа. Какие-то люди, в незнакомой пятнистой форме, с недовольным видом что-то долго и сердито выговаривали друг другу на незнакомом БТРу нерусском языке, тыча в его сторону пальцами. Обсуждение приемки приходило бурно: чего стоило после использования всех ресурсов комбинированная куча бездействующего стального хлама?

Всё же, наконец, хоть и не по своей воле, его выкатили из склада в ожидающие руки слесарей-ремонтников. И по истечении нескольких недель, стараниями их,

старый, вызывающий некогда жалость и разочарование, БТР чудом превратился в вполне грозную машину уничтожения. Новый двигатель обеспечивал чёткую бесперебойность продвижения на любой пересечённой местности. Приборное и навигационное оборудование гарантировало надёжнейшее управление, а заменённые скаты - повышенную проходимость. Дополнительно установленный над верхним люком 12,7-мм секторный пулемёт, не мог не внушить соответствующего уважения к усиленной противоосколочной броней боевой машине, да и к тем кто правил ею.

И вот тогда, пошла-поехала по дорогам войны четырёхосная восьмёрка, наматывая на нещадно стираемые скаты многотрудные и долгие километры, и вехи новой, опасной биографии. И какой биографии!

Право, она, новая биография, стояла всей прежней, тридцатилетней жизни!

Многое, многое видел и испытал на прочность бронированной шкурой, старо-новый БТР. Созданный для войны, он обрёл её в этой маленькой горной республике, гордо заявившей о своей независимости. Он врывался в разорённые, полуразрушенные села, где полыхал неравный бой и тянулся горький дым пожарищ - и не было пощады тем, кто собирался изгнать людей из их домов и уничтожить всякую память об исконных жителях этого края.

В осеннюю распутицу и вьюжные метели он выводил из тяжёлых ситуаций транспортные автоколонны с жизненно важными грузами - и тогда, всякий раз, его провожали горячие и искренние благословения тех, кому эта помощь была предназначена.

Именно в нужный момент, в вздыбленном вихре придорожной пыли, он появлялся там, где решалась сама судьба - и уцелевшие, благодаря ему бойцы пехоты,

едва оканчивался жаркий смертельный бой, целовали его облепленные грязью колёса....

Был он и домом, и оружием уничтожения, и транспортно-тягловым средством одновременно: на войне работы по совместительству - с избытком. В нём жили люди, - и умирали: те, кто составлял единый боевой экипаж машины, приводил в действие оружие и механизмы, продливая жизнь себе и укорачивая её другим на этой войне.

Что умирали- это понятно, но чтобы рождались- вот так, в буквальном смысле слова - что ж, и такое бывало!

Однажды, осенней слякотной порой, прорываясь с боем из осадного кольца, БТР нёс в себе необычный груз. Виртуозно увёртываясь на скользком бездорожье от огня бьющих по нему гранатомётов, в силу такой ответственности, БТР-трудяга, БТР-спаситель, всё же вывез из осаждённого села, в стальном своём чреве беременную женщину. Пока экипаж отстреливался из амбразур, перепуганная молодая роженица произвела на свет мальчика - здорового, крикливого. И бойцы, зверея от сознания необычной своей миссии, изо всех сил отстаивали две вверенные им жизни.

Весь батальон потом шутил и смеялся, а громче всех отец малыша, по поводу того, что БТР родил ребёнка. То над войной, горем и самой смертью торжествовала Жизнь. Памятью об этой истории осталась запись в графе свидетельства о рождении того мальчика: "место рождения - БТР".

2.

А скольким экипажам сослужил БТР последнюю мрачную службу, став стальной гробницей?

Зловещая цифра восемь - число погибших экипажей, казалось, намертво пристала к нему в дополнение к бортовому номеру. Полушутливый вначале, просто брошенный по глупости, вскользь намёк, привёл к тому, что в преддверии, наиболее ответственных боях БТР уже не участвовал, вдруг обретя репутацию "перевозчика на тот свет".

Даже бывалые бойцы, не склонные к мистике и не подверженные досужим суевериям, отказывались идти на нём в бой.

И это тогда, когда в отчаянной попытке любыми средствами выровнять ломающуюся линию фронта, командование бросало в дело даже наспех переоборудованные под военную технику бульдозеры!

А ставший бесхозным, незаслуженно оклеветанный боевой БТР уныло отставивался в гаражном боксе, в расположении мотострелкового Н.-ского батальона. Вокруг шла война, на которой он почему-то оказался не нужен.

Шли дни: по-зимнему однообразные и скучные. Всё так же обходили его стороной бойцы - даже те, кто когда-то добродушно подшучивали, что БТР родил ребёнка. Только механики чужих машин стали всё чаще уделять ему внимание - что-то откручивать, унося это тайком. Стали садиться колёсные скаты под осевшим замусоренно-бесприютным туловищем БТРа, казалось, уставшего от обидной клеветы. И даже стартер не хотел заводиться - только ли от холода и долгого бездействия?

Возможно, что так и разобрали бы постепенно на запчасти беспризорный БТР N 992 к приходу весны, если бы не благосклонность капризной фортуны. Числившийся в штате имеющейся бронетехники бронетранспортёр 60ПБН992 отчаявшийся уже было комбат, с радостью отдал в распоряжение поступившего в феврале

пополнения.

На новоприбывших, которые добровольно вызвались стать девятым штатным экипажем "проклятой" машины приходили поглазеть с суеверным любопытством бойцы всего батальона. Не обошлось и без словоохотливых доброхотов, - во всяком случае вид у "девятки", когда она подошла к гаражному боксу, был кислотоватый.

При виде злополучного БТРа после детального осмотра кислотоватый вид сменился видом уксусным. Осмотр сменился бурной дискуссией, завершившейся пробным выездом на позиции.

И - экипажная девятка взялась за дело. Уже засветло, будто прищпоренный ретивым наездником скакун, БТР вылетал из ворот бокса - и летела во все стороны грязь попеременно со снегом из-под восьмёрки неистово несущихся сторон. Словно, смывая с себя позорное клеймо, бронетранспортёр мчался по бездорожью, легко меняя передачи скоростей: быстрее, ещё быстрее!.. Над верхним люком, в сторону вражеских позиций, разворачивался крупнокалиберный пулемёт, и его торжествующе-победный, басовитый треск, усиленный рычанием двигателя, красноречиво говорил: "Я- здесь! Я не списан со счёта, и не надейтесь!".

" И не надейтесь!" - эхом отражалось от лесистых гор.

3.

Медленно, неохотно уступала зима свои позиции. Стал губчато-рыхлым снег на дорогах, и только вершины гор оставались ещё под властью зимы. На освобождённых от снегового одеяния ветках деревьев, уже робко пробовали голоса первые певчие птицы.

Но весна несла не только пробуждение природы.

Настал день, и, руководствуясь полученным из штаба инструкциям, комбат вызвал к себе командира нового экипажа БТРа N992.

4.

- Ну, ребята, время обживания и боевой подготовки закончилось. Настала пора выполнения боевой задачи. Итак, в село Б - ор, прибыл на двух автотрейлерах груз гуманитарной помощи. Наша задача: опередить продвижение противника к Б-ору, и всеми имеющимися в распоряжении экипажа силами обеспечить сохранность груза, который до нашего прихода находится под охраной незначительных сил сельской самообороны. В нашу задачу входит также вывоз трейлеров посредством нашего тягача, если они повреждены, или же Б -ору будет грозить окружение неприятелем. Поскольку, в любом случае, придётся войти в соприкосновение с противником, и неизвестно, как там, на месте всё может обернуться - будьте готовы ко всему. На общее выполнения задания - 20 часов. На сборы и погрузку - тридцать минут. Выполняйте!

5.

Едва были закончены необходимые сборы, БТР взял старт. Вынесся на просёлочную дорогу, и помчался навстречу неведомому, покачиваясь на ухабах. Синезытый султанчик отработанной гари весело тянулся за приплюснуто-покатой кормой БТРа.

Девять человек и БТР - против опасности, таящейся впереди.

Девять человек девятого по счёту экипажа - суеверно подумал кое-кто из провожавших.

6.

Вибрирующий от работы двигателя корпус машины обтекает свежий весенний ветер. Он холодит, сечёт лезвиями открытую грудь высунувшегося из люка старшего лейтенанта. Глаза его, следя за дорогой, провожают вспугнутого зайца, радуясь проносящейся мимо природе в весенней своей ипостаси. Как же ты красива, опалённая войной возрождающаяся маленькая страна!

Даже вечно невозмутимый водитель, не отрывающийся, казалось, пристального взгляда от несущейся под колёса дороги, заметил, словно про себя:

- Каков край, а? Никакого сравнения с Афганом!..

- Да, даже не верится, что здесь идёт война - отозвался ефрейтор-радист - Неужели эта красота должна быть омыта кровью - нашей ли, чужой?

- Лучше чужой, чем нашей, - проворчал командир, не отрываясь от расстеленной на коленях карты, - Нашей она уже достаточно омыта. Лёха, через сотню километров влево - поворот на Б-ор, гляди в оба. Ну, ребята, теперь будет не до красоты, я чувствую... Почему я это чувствую?

7.

- Командир! Командир, смотри!.

Натужно ревуший БТР взлетел на пологую возвышенность, и вместо увиденного водителем чёрного дымного столба, глаза командира, в свою очередь, увидели то, что подтвердило наихудшие опасения.

Б - ор горел. Подожжённый теми, кто, всё же их опе-

редил. Горели некогда прославленные, заброшенные из-за войны виноградники, дома, маленькая церковь. Низко стелившийся над почерневшими кронами фруктовых деревьев тяжёлый смрадный дым от разорённой МТС, напоминал зловещую погребальную накидку.

Даже сюда, до экипажа БТРа доносились истошные крики людей и рёв скота, перекрываемые беспорядочно-отрывистой трескотнёй выстрелов. Как на ладони, был виден весь ход боя, если так можно было назвать то, что происходило.

На изломанно-неровную линию бойцов отряда деревенской самообороны, прикрывавшую мечущихся по узким улочкам женщин и детей, точно охватывающим полукружьем наседали десятки бьющих по ней и по жителям одетых в чужую форму до зубов вооружённых вояк.

Силы были неравны. Бойцов самообороны пока спасали лишь умело используемые прикрытие построек и та яростная обречённость, с которой они сейчас отстаивали жизни своих родных.

- Бьют по людям, поверх обороняющихся - вот гады! Гады! Сволочи! - не выдержал радист, увидев, как взмахнув руками, упала молодая женщина с ребёнком на руках.

- Да что же это, командир?! - судорожно рванул рычаг переключения скоростей водитель.

- Отставить! - ожёг его, будто плетью по рёбрам, окрик командира.

Старлей, не отрываясь, пристально смотрел на северную окраину села, где, как спасительная твердыня, возвышалась над невысокими деревьями школьного сада новое, каменное здание двухэтажной школы. А во дворе...

- Вот они, трейлеры, - пробормотал он, - Целые, но уже разгруженные, судя по осадке... И водилы их тут...

Людей в "Уралы", - осенило командира, - и пока есть шанс: вывезти вон по той грунтовке, к нашим! Эй, радист!

- Да, командир?

- Комбата на связь! А ты, младшой, живо на броню, наблюдай.

- Ясно, мигом! - и рослый крепыш с двумя полосками младшего сержанта на погонах камуфляжки, исчез в проёме верхнего люка.

- Ну?

- Есть связь! - протянул старлею наушники радист.

- Алло, шестнадцатый! Алло! Докладывайте! - донёсся из многокилометровой дали голос комбата.

- Шестнадцатый, нештатная ситуация. Б-ор атакован противником, ориентировочно часа полтора тому назад. Прошу указаний, приём.

- Так... Уточни, какими силами атакуется село, и как с обороной?

- Занята уже и южная и восточная окраины села... Самооборонщики отходят к центру, несут потери... Шмаляют гады по ним, пуль не жалеют. Хреновое положение, командир!

- Сколько там их, ну, зверья этого!

- Приблизительно, до роты полного состава - сотни полторы.

- Какая укомплектовка?

- Тяжёлых стволов не видно. Зато лёгкой полевой артиллерии хоть отбавляй: "фаготы", "мухи", РПГ, даже АГС. Работают два "станкача" - один из них точно, ДШКМ, ну и пара ПКа... Поливают, как из душа!

- Какие соображения по ситуации?

- Элементом внезапности вмешаться в ситуацию, - не раздумывая, твёрдо ответил старлей, - экипаж обеспечит выезд из села женщин и детей на разгруженных

трейлерах. Потом имеющимися средствами совместно с силами самообороны продержаться до прихода подкрепления.

- Кхм, - откашлялся комбат, - Час назад противник атаковал по всей линии фронта...

- Как?

- И наш батальон, и соседние, вот уже час отбивают атаки на водохранилище. Б-ор - последний наш опорный пункт, потеряем село - потеряем водохранилище. А лишних людей и техники у нас нет... Поэтому, действуйте по ситуации... Слышишь, сынок?

- Да, командир!

- Постараюсь прислать помощь. Только, держитесь... Женщин и детей отправьте в У - лы, дорога туда ещё свободна...

- Понял, командир.

Старлей медленно снял наушники.

- Все слышали...Что в селе творится - сами видите

- Да уж, - проворчал сквозь зубы водитель, - Я гадов этих, что по женщинам и детишкам стреляют, как гадюк давить буду! Давить, пуль они не стоят.

- Ты лучше, за "мухачами" на дистанции смотри, да борта не подставляй.

- Будь спокоен, командир. И не такое бывало в Афгане, - отозвался остроскулый водитель БТРа.

- Командир, - раздался крик сержанта с брони,- если влезает в драку, - то самое время! Звери жмут вовсю.

- Тогда - всё! По штатным местам. Экипаж - к бою!
- прокричал старлей в унисон дрогнувшей от заработавшего двигателя машине.

8.

Для кого было большим потрясением неожиданное появление неизвестного БТРа - для уверенно наседавших, предвкушавших близкую победу захватчиков или же вконец оттеснённых к школьному двору отчаявшихся защитников Б - ора, когда БТР стальным тараном врезался в ряды нападавших?

Только, когда в поддержку обоих работающих пулемётов из бортовых амбразур развернувшегося для оптимального сектора ведения огня БТРа забили автоматы, повергая нападавших на землю, те поняли, наконец, что произошло.

Десятки стволов повернулись в сторону неистовой бронемашины. Кровавая мясорубка боя сделала новый виток.

9.

- Вправо, Лёха, в правый переулок! Что там сбоку шлёпает?

- Второе колесо слева. Ерунда, командир: ещё семь скатов осталось, живём!

- Кей, бей по забору, за ним "мухач"! Вот так!

- Кар! Командир, Кара наповал!

- Смени его! И не высовывайтесь, почём зря!

- Разворачивайся, Лёха! Прикрой самооборонцев корпусом! Младшой, почему замолк секторный? Младшой! Ал, смени его там, наверху! Тиг, что с тобой? Ранен? Куда?

- Кровь глаза залила... Ничего не вижу, командир...

- Сюда вот ляг... Радист, перевежи его... Ал, бей по

дому с красной крышей, там- станкач. Вот тебе, за уби- того ребёнка, гад! На том свете утрёшься, сволочь! Кей, прикрой наших слева, так!

- Командир, есть "бинго" - АГС накрыли!

- Молодец, Ал, с меня пряник! Не давай только им из переулка высунуться, пока люди в трейлеры грузятся! Не давай им по "Уралам" бить!

- Командир, ещё одного "мухача" уронил в крапиву! В трейлер целился, свинья...

- Хорошо! Что за дым? Горим? А-а, зараза, бя...

- Ранило, командир?

- Отставить... На дорогу гляди, а не на меня - я тебе не баба голая! Ухо всего-то царапнуло... Так, теперь... Сет, возьми Бака - и к машинам! Уедете вместе с людьми в У - лы! Прикроете их.

- Командир, нас берут в "вилку"! Сейчас под накры- тие шандарахнут - хана тогда!

- Держать управление, Лёха! Ал, попробуй достать их там!

- Командир, справа БМП - "тройка"!!! По радию выз- вали, наверное. Наша жестянка и пяти минут не высто- ит против её автопушки.

- Всё, ребята... Мы сделали, что могли... Экипаж, слушай мою команду: всем покинуть машину! Ал, Кей... радист - прикрой их, и туда же, в здание... Лёх, дай чу- ток разворот и прыгай тоже..

- А ты, командир?

- Выполняй приказ!

Забежав в здание, члены экипажа застонали, как один, увидев, как БТР, ведомый рукой их командира, рванулся навстречу БМП.

10.

О том, что произошло в Б - оре до спасительного по- явления БТРа и как развернулись события дальше, спу- стя два часа по прибытии в У - лы рассказали плачущие навзрыд спасённые жители села.

Что было дальше они, естественно, знать не могли. Об этом первыми узнали бойцы той части батальона, ко- торую, по возможности, поспешил послать в подкрепле- ние комбат.

На деревенской площади перед разрушенным здани- ем школы страшным памятником до конца исполненно- го долга высились останки БТРа. Исковерканный, ста- рый БТР, ведомый смертельно раненым старлеем, пре- радил путь и уничтожил новёхонькую БМП.

Удар бронированного тарана был столь сокрушите- лен, что отбросил обе многотонные махины далеко в сторону. Отбросил, не расцепив их смертельного объ- ятия, когда пламя, а затем и мощной силы сдвоенный взрыв поглотили их двоих.

Сила разбросанного взрыва от детонации боезапасов была так велика, что тридцати-миллиметровая автопуш- ка вместе с конической башней была отброшена в раз- валины соседнего дома, так и не сделав ни единого выстрела... Ни по школе, ни по уходящим "Уралам".

И больше уже не сделает...

11.

Мгновенья превращались в минуты, минуты в часы. Бойцы самообороны, отогнав врага, снова стали жителя- ми села: разбирали обгоревшие завалы, приводя в поря-

док то, что уцелело. Жизнь брала своё.

А на школьной площадке стояли три фигуры. Забыв об усталости и ранах, они, не отрываясь смотрели на сгоревший БТР - так, словно ожидая, что сейчас вдруг высунется из люка командир и крикнет, как всегда: " Эй, мех, Ал, Кей! Чего без дела тут торчите, а?"

Так стояли они, в едином на троих горе, когда тишь наступивших сумерек нарушил шум подъезжавшего к селу автомобиля. Это прибыл комбат.

Он вышел из запяленного "уазика": серый от нечеловеческой усталости. Обвёл глазами нерадостную картину и направился к строившимся в шеренгу бойцам. Выслушал сбивчивый рапорт командира - бывшего агротехника совхоза. Потом подошёл к стоявшей у сгоревших бронемашин тройке.

Обнял водителя, раненого в бедро, но так и не ушедшего в развёрнутый полевой госпиталь. Превозмогая боль, он стоял, опираясь, как на костыль на длинный ствол ПКа. Лишь теперь боль давала о себе знать, забытая в самоисступлении потрясения от гибели друга и командира, когда он бегом преследуя ненавистных отступавших врагов, стегал и стегал по ним мстящими пулёмётными очередями...

Обнял комбат и Кея, в чьей светлой шевелюре проступила преждевременная седина, и Ала. Потом подошёл к мёртвому БТРу.

Он прижался лбом к его чёрной, ещё тёплой от неостывшего жара броне и его сгорбившаяся спина вдруг дрогнула - раз, другой...

12.

Вместо эпилога
Прошли годы.

Будете в тех краях - непременно заезжайте в Б - ор. Вам будут рады жители этого цветущего вновь, гостеприимного села. Они расскажут вам о незабываемых героических буднях прошедшей войны, в которой принимали участие, как воины.

А затем они покажут вам памятник погибшим защитникам. Он высится на школьной площадке - БТР-ПБ с номером 992 на заботливо обновлённых бортах.

Вот и закончена сага, но старый БТР не умер. Он просто не вернулся в строй.

Елена Асланян

АСИММЕТРИЧНОСТЬ

Роман
(Отрывок)

Предисловие

Научные исследования и, - уважаемые студенты, хочу подчеркнуть, - жизненный опыт указывают на почти универсальное свойство природы - эволюция посредством нарушения симметрии. Чем больше вникаешь в детали развития процессов, тем всё более достоверным кажется соблюдение принципа спонтанного нарушения симметрии.

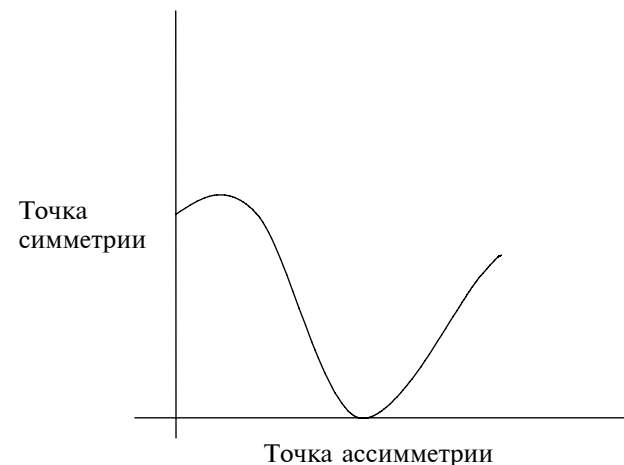
Да и Вселенная, при своём рождении, бывшая абсолютно симметричной, развивалась именно путём разрушения этой симметрии (во всяком случае, данная научная гипотеза наиболее жизнеспособна).

Одним словом, эволюция — это нарушения симметрий.

Отвлечёмся от биологии, от нашей конкретной темы — эволюционном обосновании асимметрии организмов, мозга и тела и - обратимся к физике.

Не вздыхайте, уважаемые студенты — сейчас наука делается на стыке научных дисциплин, и я призываю вас всех к широте мышления.

Вот, взгляните на этот график

Так как вы — пока только биологи, в отличие от меня, доктора физико-математических наук и кандидата биологических, - скажу кратко, что это график зависимости потенциала энергии вакуума от температуры.

Вот, обратите внимание на точку симметрии. Это момент рождения Вселенной, с большой плотностью энергии. То есть она достаточно горяча. При расширении Вселенной, увеличиваются её размеры, падает плотность энергии, и с уменьшением температуры, она приходит в состояние метастабильного минимума. Вот в этой точке асимметрии с ненулевой температурой Вселенная приходит в устойчивое состояние...

Вы что-то сказали, Наргиз...

- Извините, профессор, у меня вырвалось нечаянно... Я просто подумала, что этот график очень точно описывает и развитие отношений между людьми.

- Науку делают люди. И во многом, экспортируют на науку и теории взаимосвязи, свойственные именно лю-

дям. Ребёнок видит и чувствует симметрию задолго до того, как узнаёт само это слово: смена дня и ночи, правая и левая ручки, глазки. Бесчисленные проявления немногих различных типов симметрии буквально окружают человека всю его жизнь. Учёных можно назвать охотниками за симметриями: в некотором смысле они отличаются от всех остальных людей тем, что отыскивают в природе всё более скрытые и всё более фундаментальные типы симметрии...

- А абсолютно все люди отыскивают в природе свою самую главную симметрию - свою половину.

- Прекрасно, Наргиз, прекрасно... Так, успокойтесь, успокойтесь, уважаемые студенты.... Только вот вопрос относительно половины, которую ищет человек — симметрия ли это, или асимметричность....

Глава 1.

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Когда Минас, шофёр отца, ставший за годы совместной работы и его правой рукой, и его левой рукой, и членом семьи, сказал Наргиз, что отец хочет с ней поговорить, когда у него высвободится в течении дня время, она уже знала, о чём пойдёт разговор.

Тяжелобольной друг отца, зная о близкой кончине, настоял на приезде сына Давида из-за границы, куда тот благополучно сбежал от войны, для того чтобы женить его. Женить на Наргиз. Видеть Наргиз своей невесткой друг отца мечтал уже давно, везде и всюду объявляя об этом, как о деле уже решённом. Но сначала Наргиз должна была поступить в университет, затем блокада и война, которую нужно было отсидеть Давиду в безопас-

ном далеке, - объективные и субъективные причины не давали претвориться его мечтам в явь. Но вот военные действия закончились, и Давид должен быть вернуться со дня на день.

Давид никогда не нравился Наргиз, особенно после его отъезда, который она про себя считала дезертирством. Она считала себя вправе судить именно так, потому что вся её семья не покинула родину в час тяжёлых испытаний.

Правда, лично её эти испытания как бы обошли за крепкими стенами отчего дома, где всегда был свет от движка во время многодневных отключений электроэнергии, где всегда было тепло и всегда был горячий обед. Она цепенела, видя из окна отцовской машины километровые очереди за гуманитарным керосином в серые морозные январские дни, женщин, волокущих двадцатилитровые канистры с этим бесценным грузом, свежие могилы вчерашних школьников во дворе своей школы - последняя дань уважения народа своим погибшим на войне сыновьям. Она цепенела, когда при ней ругали воров, греющих руки на обнищании народа, на разграблении всего того малого, что осталось после развала Союза. У неё были молчаливые вопросы и к себе — смогла бы она сделать хоть что-то сама, просто купить хлеба, например, в это время? Был вопрос и к отцу, который так и остался незадачным: а откуда это всё у нас?

Наргиз хорошо помнила то время, когда заканчивала школу - многотысячные митинги с пламенными речами о демократии, исторической справедливости, леденящая душу правда о погромах армян в Сумгаите и Баку, трагедия Спитака и Ленинакана. Именно в это время отец, тогда обыкновенный начальник обыкновенного СУ — строительного управления купил участок земли под собственный дом. Состояния теряются и наживаются

ся во время крушения империй. Рушилась империя, страна, миллионы оставались ни с чем, теряя всё нажитое, которое умело подбирали и использовали сотни.

Развал Союза Наргиз встретила двадцатилетней студенткой, уже в выросшем как по мановению волшебной палочки собственном двухэтажном доме с камином, зимним садом, бильярдом и баром в подвале, двумя гаражами с двумя машинами. Тогда же отец открыл банк, президентом которого стал старший брат Наргиз Левон. Когда Наргиз закончила университет, в самый страшный 1993 год, год самых кровопролитных боёв и перехода на национальную валюту, в пересчёте на которую проданная за рубли автомашина оказывалась равной ячейке яиц, отец подарил ей валютный счёт с круглой суммой. Но делать деньги она не умела и не любила думать о них. От цепяющих душу вопросов она убегала в книги, в свою любимую биологию. Другого ничего своего у неё не было. Не было личной жизни. Кто из простых смертных мужчин решился бы приударить за ней, поухаживать. От неё шарахались, как от прокажённой. Одиночество в замкнутом кругу угнетало Наргиз, не представлявшую, что нужно сделать самой, чтобы вырваться из тисков изоляции. Поэтому ей показалось, что замужество с Давидом - это единственное и естественное решение её проблем. Пусть за нелюбимого мужем, пусть за «дезертиром», зато у неё будет уже что-то своё.

Наконец, она услышала приглушённый шум въезжающей в гараж машины, выглянула в окно из своей комнаты на втором этаже — приехал отец. Скоро к ней в комнату постучал Минас:

- Наргиз-джан, папа ждёт тебя.

Когда Наргиз вошла к отцу в кабинет, тот говорил по телефону. Вернее, говорил по телефону переводчик, молодой парень, только окончивший институт. В отличие

от всех остальных нуворишей, её отец вёл очень строгий образ жизни, близко к себе не подпускал крашенных «переводчиц» и «референток», а секретаршей у него работала солидная женщина с многолетним опытом работы, уже бабушка.

Наргиз смотрела на отца и понимала, что, несмотря ни на какие вопросы восхищается им, приехавшим когда-то простым деревенским парнем в столицу из глухого ахалкалакского села и достигшим всего только благодаря самому себе.

- Акоп Левонович, они все бумаги уже получили и сейчас рассматривают вопрос о командировке своего представителя к нам. - Парень вежливо попрощался и вышел.

- Наргиз, дочка, мой друг Гриша очень плох и хочет перед смертью видеть сына женатым. Он просил твоей руки в отсутствие Давида, но тот приезжает послезавтра, и, если ты не возражаешь, они на следующий же день после приезда Давида придут с обручением.

Наргиз опустила голову.

- Наргиз, если ты не хочешь выходить замуж за Давида, скажи сейчас. Может, у тебя есть кто-то, кто тебе нравится?

Наргиз молча покачала головой и потом добавила:

- Я согласна.

Ко дню предполагаемого обручения готовились основательно. Наргиз же не покидало ощущение, что она, согласившись, совершила ошибку. Это ощущение усилилось, когда она увидела Давида, растолтевшего, с круглым лицом и наметившимися залысынами, — да, прошло много лет с тех пор, как она видела его в последний раз.

Его приход всех очень удивил: где это видано, чтобы жених в день обручения пришёл раньше всех и поже-

лал говорить с невестой наедине?

Но на это была причина.

- Наргиз, я должен сказать тебе ... Это очень неприятно, но если не сейчас — потом будет поздно. Я попробовал по телефону отговорить отца от этой затеи с женитьбой. На ком надо жениться - всё же решает мужчина, а не родители. Но он и слушать меня не хотел, кричал и ругался в трубку. А вчера, не успел я войти в дом, как мне заявили, что завтра у меня обручение. Что за азиатчина!

Давид брезгливо повёл плечами и продолжал:

- Если бы он был здоров, я нашёл бы силы сказать, что я уже женат и есть ребёнок. Но это был шок для меня — видеть его таким больным, - что я не смог. Если сможешь - скажи это сама сейчас перед всеми. Или ответь отказом. Или, если хочешь, обручимся, а потом разорвём обручение — повод всегда можно найти. Наверное, умнее всего было бы обручиться сейчас... Господи, страна азиатов — была, есть и будет.

Его спесь, снобизм, который появляется у всех немного поживших в США, а главное - «азиатчина» вырвали Наргиз из состояния многолетнего оцепенения, в котором она пребывала. Перед её глазами встали свежие могилы в школьном дворе, женщины с канистрами и вёдрами на санках, бородатые парни, танцующие на крыле поверженного ими штурмовика, - и она ответила:

- Sorry, American boy. Здесь, конечно, тебе не место. Хорошо, что моя страна избавилась от всех крыс, которые хлынули куда посытней. Думали, мы здесь все умрём? А мы — победили! Без вас. И возрождаем страну - без вас. Обручиться с тобой, даже фиктивно, - это замарать своё имя рядом с именем труса и дезертира. Пусть я — азиатка! И я тебя, американца сейчас с треском выгоню. И все узнают, что я тебе отказала. И не потому,

что ты женат, а потому, что ты — ничтожество.

Давид с выступившим на верхней губе потом, слушал не сводя глаз с её побледневшего лица, на котором, как сполохи, сверкали огнём глаза, большие миндалевидные чёрные глаза Наргиз, - и постепенно выражение его лица менялось, и он стал похож на прежнего, «доамериканского» Давида.

- Наргиз, а ты стала настоящей красавицей, - тихо произнёс он. - Мне ... очень ... жаль...

- А мне - нет.

Во дворе уже шумели гости. С громким смехом они проходили в дом и рассаживались за накрытые столы. Наргиз быстро поднялась к себе в комнату - её позовут к гостям, когда она должна будет сказать формальное «да» и протянуть руку для кольца. Вот и для неё настал момент истины, который даст ответ на вопрос — кто она и что она из себя представляет. Будет ли она и дальше прятаться за паутиной оцепенения в безопасной сытости или поступит честно и выйдет навстречу болезненным ударам.

Её позвали, она вышла к гостям, стараясь сдержать слёзы волнения и дрожь. Холодный пот, разом покрывший всё тело, казалось, назойливым зудом разъедал её всю. Она посмотрела на смеющееся счастливое лицо отца, и у неё потемнело в глазах. Как из — под земли до неё дошли слова:

- Ну что скажешь, дочка?

Она нашла глазами лицо Давида и, глядя в его круглое лицо с убегающим взглядом, сказала:

- Я не люблю Давида. И никогда не смогу полюбить человека, который способен бросить страну, мать, отца в трудный час. Завтра он точно так же бросит жену и детей. И найдётся тысяча объяснений для обыкновенного малодушия и трусости.

Она закрыла глаза, задохнувшись от накатившейся на неё волны внезапно наступившей тишины. Она услышала вежливый скрип стула. Это был Давид. Он молча ушёл. За ним так же тихо стали подниматься остальные. Через десять минут в зале не осталось никого, кроме неё и её близких. Отец сделал всем знак выйти, но Левон остался.

Отец молча встал из-за стола и направился к Наргиз.

- Папа, я всё объясню, - срывающимся голосом начала Наргиз и не закончила.

Пощёчина согнула её пополам.

- Убери руки с лица! Быстро! - заорал Акоп Левонович.

Наргиз убрала руки с лица и попыталась выдавить из себя членораздельно:

- Он... мне сказал...

Другая сильная пощёчина свалила её наземь. Наргиз вскрикнула от боли. Левон бросился к отцу и схватил его за руки. Тот вдруг, обмякнув, со стоном приник к сыну:

- Какой позор! Дегенератка... Вот что наука делает с женщинами... Книжки, аспирантура... Они их превращают в гадюк. Я же спросил её, хочет она замуж или нет. И эта змея сказала: «Я согласна».

Последовали трёхэтажные ругательства в адрес Наргиз, жены, тещи и родни по женской линии. Наргиз вдруг стошнило. И отец тут же встал и быстро ушёл. Левон, бросив на сестру злой взгляд, пошёл было за ним, но потом вдруг остановился и раздражённо спросил:

- Что тебе сказал Давид?

Наргиз опять стошнило, и она зашлась в кашле. Левон вышел, хлопнув дверью. Наргиз, шатаясь, встала и поднялась к себе в комнату. В доме как будто только что кто-то умер. Слышался приглушённый плач матери. Вот

уж кого Наргиз сейчас хотела видеть меньше всего. Ограниченная и истеричная, с замашками «княгини», вышедшей из «грязи», мать никогда не понимала свою дочь, изводя её придирками и упрёками, будто мстя дочери за её отличную учёбу, свободный английский и безукоризненный русский, самобытность, тонкую натуру и раскосую, смуглую красоту.

Наргиз ополоснула лицо в ванной, примыкавшей к её комнате, и хотела поменять испачканное платье, как в комнату постучали. Это был Минас.

- Наргиз, девочка моя, собирай вещи. Отец уже по телефону заказал билет. А я сейчас поеду за ним. Ты полетишь сегодня в Москву вечерним рейсом. Там тебя встретит Каро, ты должна будешь жить с его семьёй и работать в нашем магазине. Я сам тебя отвезу. Через три часа надо уже трогаться.

Минас вышел, а Наргиз прижала руки к сердцу, вдруг застучаши с такой амплитудой, что, казалось, выпрыгнет из груди, если его не попридержать. Слова Минаса означали только одно: завтра утром она будет в Москве. Наргиз улыбнулась. Нет, иногда за честность не только бьют. Иногда и вознаграждают. Она не раз была в Москве, и ребёнком, ещё в советские времена, и по студенческому обмену, и на Олимпиадах, и на конференциях.

Но поехать именно сейчас, это — подарок судьбы.

Потому что именно сейчас там находился Арсен.

Арсен... Эти пять звуков казались ей самой прекрасной в мире музыкой. Она вздрагивала, когда слышала это имя, просто имя, и каждый, которого так звали, казался ей особенным, необыкновенным. Таким же, каким был Арсен, - её робкая тайная девичья любовь. Ей не нравились, даже просто как типажи, никакие Шварценеггеры, Ван Даммы, Шоны и Бандерасы, потому что

был Арсен — лучший из мужчин.

Он учился вместе с её братом и в школе, и в институте, вместе они занимались каратэ. Но они никогда не были близкими друзьями - так, парни с одного квартала. Арсен был из неблагополучной семьи, вторым ребёнком у своей матери от третьего мужа, который бросил её, когда Арсен был совсем маленьким.

Арсен всегда был лучший. В школе педагоги обожали умного и работоспособного ученика, тренер гордился его успехами в спорте, у ребят во дворе он был лидером, в институте - кумиром девушек и преподавателей. А когда начались «события», он оказался в их гуще. Диплом он защитил блестяще, уже в военной форме полевого командира: на ещё «социалистических» границах уже тогда было неспокойно, мирным жителям требовалась защита.

До Наргиз доходили вести об Арсене, его отряде, дерзких операциях, в которых благодаря природной смекалке командира почти не было потерь. Нет, она не ждала его. Ведь он об этом её не просил, она была ему никто, он её никогда не замечал. Правда, один раз...

Она с подружками пришли в кафе поесть мороженого в честь окончания университета, - большего себе в то время мало кто мог позволить. Да и кафе в городе остались всего раз-два и обчёлся. На другом конце кафе за столиком сидела группа небритых мужчин. Ну, девушкам не пристало пялиться на них. И Наргиз не сразу разглядела среди сидевших Арсена, да и только потому, что подружки зашушукались, что один из них не сводит с Наргиз взгляда. Это был Арсен. Он даже пересел так, чтобы лучше её видеть. А когда девушки засобирались, вдруг подошёл к их столику. У Наргиз забилось сердце, ей почему-то показалось, что он позовёт её с собой — и она пошла бы. Но Арсен поздоровался, спросил как Ле-

вон, как отец, поздравил с окончанием университета. И вежливо попрощался. Да, и слегка погладил по щеке. Наргиз пронзило током от его прикосновения. И захотелось закричать ему в спину : « Возьми меня с собой». Но крепко держало её оцепенение, и она пошла домой. А Арсен - на войну.

Месяц назад Левон, возвратясь из бывшей боевой, а теперь зоны перемирия, - он регулярно отвозил туда сам лично, несмотря на истерики матери, караваны с продовольствием, одеждой - принёс печальную весть. Арсен, попавший со своей группой в засаду, тяжело ранен. Потери в конце войны особенно тяжелы. Но надежда оставалась. И она окрепла, когда при содействии Левона, Арсена из полевого госпиталя перевезли в столицу, а затем в Москву.

Дороги, которые, казалось, никогда не пересекутся — вдруг неожиданно соединились.

Она завтра утром будет в Москве и найдёт его.

Казалось бы, что мешало ей сделать это неделю назад, например. Но как сказать отцу, что она любит Арсена, если он её не звал замуж. Как самой взять и поехать к кому-то, когда ты — чужая. Ну а теперь совсем другое дело. Это не она едет. Её выгоняют. И она зайдёт в Москве проведать соотечественника — святое дело.

Наргиз собирала вещи, стараясь не запеть от радости - и молясь, чтобы отец не передумал в последний момент. Но нет. Всё обошлось. Минас зашёл за ней и они поехали в аэропорт. С Наргиз никто не вышел попрощаться — ни мать, ни брат, ни отец. Это к лучшему. Пусть думают, что она жестоко страдает. А она была счастлива, как никогда до сих пор. Ведь она получила бесценный подарок. От самой судьбы.

Розанна Арустамова

СНЫ МОРЯ

Моим Дедушкам

Солнышко только-только лениво показало свои первые лучики, а Ованес уже позавтракал и направляется к сапожной будке.

- День сегодня будет очень жарким, - говорит он, подливая Альфе в миску водички.

Собака дремала, но в знак согласия приоткрыла один глаз и махнула хвостом.

Старик вынес из будки табурет и, присев рядом с дремлющей Альфой, стал наблюдать за тем, как просыпается двор.

Ованес очень уважаемый в городе человек, его знают почти все. Когда-то богатый, влиятельный и славящийся своим серьезным характером, сейчас одинокий, пожилой человек, доживающий свой век и нашедший радость в изготовлении туфелек и босоножек для соседской девочки.

В самом начале лета старик отпирает будку, наводит там порядок и начинает мастерить обувь. Только три летних месяца открыта сапожная и только для одного клиента.

Утро обычно старик проводит в своей мастерской, трудится над новыми сандалиями для своей любимицы.

Девочка растет быстро. В этом году Ованес снял новую мерку и нарастил колодку еще на один размер.

В его работе важна точность и усидчивость. Нужно зафиксировать стельку на колодке в трех местах временными гвоздями: на носке, в середине и на пятке.

Затем сверху аккуратно натягивается заготовка из кожи.

Девочка любит сидеть в сапожной Ованеса. Ей нравится наблюдать за тем, как он мастерит цветы из разноцветных лоскутков, осторожно вбивает маленькие гвоздики.

Солнце начинает садиться. Пора.

Старик аккуратно складывает свои инструменты, убирает лоскутки. Альфа всегда следит за тем, чтобы Ованес не забывал запирать будку, но, в сущности, в этом нет никакой надобности. Дома, переодевшись, он берет заранее завернутый холст, и отправляется на вечернюю прогулку к морю.

Солнце почти село, последние лучи взмахнули на прощание: до скорого, до завтра.

Старик, усевшись на берегу с Альфой и положив рядом с собой холст, вздыхает. Надо ждать.

- Как можно описать запах моря? — Ованес, закуривая папиросу, обращается к Альфе.

Собака гавкнув, поворачивает мордочку к морю, усиленно принюхиваясь.

- Такой знакомый, свеже-соленый. Я знаю какой он. Легко узнаю всегда, но как же сложно описать словами этот запах. Какими словами?

Море пахло нефтью.

Ованес в молодости много путешествовал, был в разных странах, видел другие моря. Но он всегда помнил запах этого моря, своего, родного. Этот соленый, свежий запах. Мог узнать его из тысячи других.

Почти всю свою жизнь, прожив в портовом городе, он не представлял себе жизни без моря.

Море переменчиво, с ним не стоит шутить. Оно также может радоваться или грустить, быть ласковым или грубым.

С ним ты не можешь притворяться. Оно знает тебя настоящим. Даже если видит тебя первый раз.

Море не любит легкомыслия и не прощает измен.

Оно может щедро дарить или безжалостно забирать. Ты не сможешь знать заранее, каким море будет с тобой в ту или иную минуту.

Не стоит преувеличивать свои возможности или играть с ним, ведь море вдруг тоже захочет поиграть с тобой.

С раннего утра море на берегу вспенивали, тревожили, входили и выходили из него, а кто-то оставался в нем навсегда.

Море устало.

Было очень жарко, и людей сегодня было очень много.

Через некоторое время, Ованес освобождает ноги от сандалий, которые давно уже пора отремонтировать.

«Все никак не получается. Ну, почти как в пословице», - улыбается про себя Ованес.

И, оставив их на песке рядом с Альфой, которая положила мордочку на холст, подходит к самой воде.

Теплая вода ласкает пальцы ног, лодыжки, снимая с них всю дневную усталость.

На какое время на полотне останутся те или иные сны, старик сказать не мог. Иногда они задерживались на пару часов, тогда он едва успевал вернуться домой, иногда сны держались по нескольку дней, это были очень яркие, красочные сны.

Старик, сидя дома в любимом кресле и закуривая очередную папиросу, смаковал каждую деталь на картине.

Вечером, собираясь на прогулку за снами, Ованес почти всегда пытался представить себе, что сегодня приснится морю, какой будет картина.

Настроение у моря очень переменчивое, и, даже если весь день было солнечно и почти не было ветра, это не означало, что море будет спокойным и ласковым.

Менялось море, менялись сны, менялись холсты.

Подкатав брюки, Ованес возвращается к завернутому полотну и уже скучающей Альфе. В воде, аккуратно придерживая за края, он опускает развернутое полотно в море.

Некоторое время спустя, бережно завернув свое сокровище, старик неторопливо направляется домой.

"Постарел", - подумал недавно Ованес.

Он смотрел на Зулю, которая, заливаясь смехом, бегала по двору от соседского мальчишки.

Ованесу безумно захотелось присоединиться к детям, бегать и смеяться, окунуться в детскую непосредственность и наивность.

«А, наплевать на то, что болят ноги и ломит спина, в душе я молод и полон сил. Мне не дашь больше двадцати!»

Ованес резко вскочил с табуретки и тут же тяжело на нее опустился.

"Ну да, старый дурень", - ухмыльнулся он себе, - "точно, не больше двадцати".

Восемь лет тому назад умерла Жена.

На похоронах долго со всеми ругался.

- Уберите эти гвоздики и калы! Она ненавидит эти цветы! Говорит, что это не цветы, а трава для кладбища. И снимите с остальных цветов эти страшные черные ленточки!

Соседи и подруги Жены недоуменно посматривали на охапки белоснежных ромашек и разноцветных поле-

вых цветов.

«Но ведь так не принято» - перешептывались они между собой.

Ничего тогда не сказал им Ованес, просто сурово глянул в сторону шептавших. Не хотел еще больше ругаться. Перед Женой было неудобно.

Всю процессию Ованес молчал и только под конец, когда все уже стали расходиться, сказал:

- Всю жизнь с Ней спорил, учил. Говорил: женщина, перестань так сильно опаздывать. Всегда и везде Она опаздывала. И как я только терпел? И даже сейчас не послушала мужа своего. Сделала по-своему. Взяла и так сильно поспешила.

На кухне всегда вкусно пахло. Храм, коим владела и безоговорочно в нем правила Жена. Тут рождалось волшебство...

Многочисленные баночки со специями, травами, зеленью, которую она предусмотрительно засушивала летом, держалки для посуды, которые шила сама из лоскутков. Кухня была небольшой, уютной. И даже когда на нее долго никто не заходил, что, конечно же, бывало крайне редко, казалось, что все там продолжает вариться, жариться и париться.

Кухня в доме была живой, и жила она от рук Жены Ованеса.

Вечером, придя домой после похорон, он снял в коридоре обувь (Жена не любит, когда по дому ходят в той же обуви, что и на улице) и прошел в ванную помыть руки. Долго стоял перед зеркалом, прежде чем зайти на кухню.

На кухне почти ничего не изменилось. Чистота, так же висят полотенца, стоят чашки, стол, стулья, но на плите чистая сковородка и угасает запах.

И только сев за обеденный стол, и, положив перед

собой фартук Жены, Ованес закрыл лицо руками и тихо заплакал. Мужские слезы, без свидетелей.

Так и уснул за столом, до самого утра.

Когда близкий любимый человек уходит внезапно, мысль и осознание того, что его нет не приходит сразу. Даже после того, как сам закрывал крышку гроба.

Если уходит внезапно близкий человек, с кем ты просыпался и засыпал почти каждую ночь, твоя жизнь останавливается на некоторое время. В мозгу нет кнопки под названием — «отключить мысли, память, воспоминания, обращение к человеку за несуществованием одного на земле».

Наступает время учения. Учения жить по-другому, без человека, который ушел. У кого-то получается, кто-то так и не сможет избавиться от некоторых привычек, как например...

Ованес для себя решил, вернее даже не решил, это просто чувство такое было, что Жена уехала. Надолго, но она вернется. Уехала отдохнуть, в какой-нибудь санаторий.

Иногда ему слышался Ее голос, или казалось, что на кухне кто-то хлопочет. Реже он слышал Ее неторопливые шаги по комнате.

Обычно, когда Ованес заканчивал очередную пару туфелек или сандалий для своей любимицы, он не ходил к морю.

Наблюдая за тем, как ребенок искренне радуется подарку, Ованес чувствовал себя волшебником. Он закрывал будку, приходил домой, заваривал себе крепкий чай и выходил во двор поиграть в нарды с соседом.

Партии порой могли длиться до глубокой ночи. Приходилось несколько раз отлучаться от игры, чтоб заварить себе свежий чай.

Никто не знал о том, что море рисует свои сны Ованесу. И старик бережно хранил это в тайне. О том, как

давно и с чего это началось, он обещал себе (и не только), что унесет с собой на другой свет.

Сегодня Ованес не мог сосредоточиться на работе. Ему было стыдно перед маленькой девочкой за то, что не вовремя закончит работу, как предполагал.

Почти весь день перед глазами стояла картинка-воспоминание.

Ованесу девять. Он едет на велосипеде по дороге, которая еще долго не будет знать, что такое асфальт. Вдоль дороги растут молодые деревья. Ованес очень спешит: солнце уже садится и мама, наверное, уже волнуется.

Солнышко пробираясь сквозь ветки деревьев лучиками щекочет глаза, нос, коленки.

- Дедушка!

Мысли Ованеса прервала девочка, которая вошла в будку с блюдцем полным спелой черешни.

- Смотри, дедуля, что у меня есть!

На ушах у девочки висела по паре черешен.

- Красиво? - она кокетливо поправила волосы рукой.

- Красавица, - улыбнулся ей старик.

Вдруг ему вспомнилась весенняя бессонница, которая была у моря. Почти не было снов, а те, которые и были, несли в себе столько отчаянья, что Ованес не ходил к морю больше месяца.

Соскучившись, старик просидел у берега почти всю ночь, рассказывая истории, которые слышал в детстве от деда. Под утро, перед самым рассветом Ованес рассказал морю про свою любимицу, про то, как горят ее глаза, когда он дарит ей новые туфельки. На следующую ночь у моря были удивительные, яркие и красочные сны.

Сегодня Ованес не долго рассматривает картину. Ему хочется лечь спать пораньше. Днем не удалось сосредоточиться на работе, поэтому завтра надо будет наверстать упущенное время.

Черная взволнованная волна. Из ниоткуда в никуда по морю проходит узкая каменная дорога. Ованес едет в машине на заднем сиденье.

«Зима или осень?»

Морозно, дорога скользкая от корки льда, которую полируют ударяющие в нее волны.

Ованес чувствует, как машина начала ехать быстрее. Водитель крепко держится за руль.

«Почему он так гонит? Мы можем перевернуться».

Водитель теряет управление и съезжает с дороги. Ованес в спешке начинает закрывать окна в машине, неистово крутя рукояткой. При этом водитель просто крутит руль в разные стороны.

«Мы не тонем. Почему? Машина едет по воде?» - промелькнули мысли, и уже в следующую секунду Ованес подумал о том, как подплыть на машине поближе к дороге, чтоб продолжить путь.

Не было вопроса (не возникали) куда он едет глубокой ночью, или, например, почему на машине по морю, и чем освещена дорога, если на небе нет ни луны, ни звезд.

Его просто везли туда, куда нужно было.

Ованес проснулся и долго смотрит в потолок.

«К чему такое приснилось?»

Размышлять по этому поводу особо не хочется, поэтому он переворачивается на правый бок и засыпает.

Солнышко только-только лениво показало свои первые лучики, а Ованес уже позавтракал и направляется к сапожной будке.

Он выносит табурет и садится наблюдать за тем, как просыпается двор.

- День сегодня будет замечательным, - говорит он Альфе.

Собака в знак согласия кладет мордочку на руку Ованеса.

Елена Асирян

Свет Истины проникнул во Вселенную,
Но разум Его не познал.
Хоть Ее сущность неизменную
Веками человек искал.

В огне, в воде и в ветре солнечном
Искал зародыш жизни он.
На небе звезды некой полночью
Навеяли престранный сон.

Стой, человек, в войне погрязший
И оглянись на горы черепов.
Стой, человечество, пред бездной вставшее
И превратившее себя в рабов.

Ты хочешь равным быть богам,
А сам творишь худое дело.
Зачем тебе рассудок дан,
Когда его грехом изъело?

Однажды земное меня не притянет,
Игрою своею мой взгляд не обманет.
Пресытится плоть ненасытной утробой,
И встанет душа безмолвно у гроба.

Я в нем схороню, что когда-то любила,
Лелеяла, прятала и дорожила.
Весь перечень слов и бессмысленность речи.
Обман. Одиночество. Редкие встречи.

Я стану свободною, встану воскресшей,
И слезы потонут в радости вешней.
Прозрачными, словно лесные озера,
Глаза мои станут, без тени укора.

Они отразят в своей глади бездонной
Лес, облако, солнце. Они в них утонут.
Но, как в океан, они в небо вольются,
И новому миру они улыбнутся.

Однажды земное меня не притянет,
Метаться душа моя перестанет.
Она оттолкнется и тихо взлетит,
Лишь лист мой последний зашелестит...

Я серебряная девочка,
Что ни слово — серебро.
Те посыпались как семечки
В полосатое ведро.

Понесу на коромысле
Ведро, полные добра.
Раскидаю свои мысли -
Мне не жалко серебра.

Серьги, кольца, ожерелья -
Украшенья вы мои.
Больше грусти, чем веселья -
Так и в жизни, и в любви.

Шутовской колпак мне явно
По природе не к лицу.
Пусть покажется вам странным
Все, о чем я настрою.

Колокольчик мой серебряный
Обронил звени-слова.
Поплыло все в танце медленном...
Закружилась голова.

Вилен Манвелян

ФРАНЦУЗСКИЕ БУЛОЧКИ РАУЛЯ

Дедушка никогда не ругался. И редко повышал голос. Лишь раз я видел его сердитым.

Было это на похоронах бабушки. Мои галдящие тетушки и кузины не то что деда, а и монаха, давшего обет молчания, выведут из себя. Покойная в гостиной, в коридоре же жаркий спор: «Где хоронить бабушку, всем ли найдется рядышком местечко?!» Некая дальняя родственница, высохшая старая дева, настаивала: «Фамильный склеп, только фамильный склеп - у меня там свой уголочек!» Будто бы бабушка собиралась вечеринки устраивать...

Дед и сорвался:

- Если сию же минуту не прекратите «птичий» базар — все, немедленно, вылетите!!!

Растерялись не только женщины, но и мужчины: это же надо, сам дедушка повысил голос. Первый и последний раз...

И вот, заметив, что дедушка покраснел, я понял - что-то его задело. Быстро вытянул из сумки бумажный пакет:

- Держи гостинец.

Он, все еще повторяя услышанное: «Это же надо ляпнуть — наши выиграют, если Рауль поломает ногу», - как-то нехотя взял пакет и развернул.

Хотя он и не выказал особой радости - не такой у него был характер - но по тому, как шевельнулись губы, я уже знал: ему понравилось.

Он как-то по-особому бережно положил развернутый пакет на скамейку. Свежие булочки. Дедушка отломил маленький кусочек, раскрошил в ладонях, понюхал.

- Французские, - теплота в голосе. - Мои любимые.

Вдруг стал серьезным:

- Тебе кто-то что-то сказал?

- Да нет... — я старался не оправдываться. - Проходил мимо кинотеатра «Москва», заглянул в булочную. Вспомнил, как ты угощал меня после тренировок в «лягушатнике». Решил — возьму-ка булочки и навещу деда...

Он недоверчиво покачал головой:

- Что-то не сходится... С каких это пор ты стал сентиментальным?

- Ладно, - я уже не притворялся. - Мама волнуется.

Утром звонила, просила заглянуть: «Старик - хуже мальчишки. Вскрывает в шесть утра и бежит на стадион. Хоть бы позавтракал...». Но булочки - случайность...

Дед слушал очень внимательно. Когда я, наконец, замолчал, он усмехнулся и взял еще одну:

- Мне понравилось.

И чуть слышно добавил:

- В афинском порту они стоили четыре франка за дюжину...

Я перебил:

- Франки?! Может все же драхмы?

Дед спокойно продолжил:

- Это хорошо, что ты такой умный... Конечно, слова девяностолетнего старика похожи на выдумку, но... Булочки продавали только за франки — четыре монетки за дюжину...

В его голосе появились дрожащие нотки:

- Сказать, что я был голоден — ничего не сказать... И не только голод - незнакомый город, нет ни друзей, ни родных. Лишь мама и я.

В первый вечер, сойдя с парохода, мы заночевали в каком-то сарае. День провели в порту: мама надеялась встретить знакомых. Никого... К вечеру выяснилось, что можно переночевать в английском протестантском приюте. Туда мы и пошли.

Проходили дни. Утром я смотрел, как поднимают флаг. Слушал горниста. Затем молитва. Я пристраивался сбоку и старался повторять незнакомые слова, не понимая, для чего все это. Наверное, мне было просто приятно стоять со всеми во дворе белого дома, напевая непривычные слова...

Днем я носился с ребятами. Или же бродил около кухни и тащил что-то у зазевавшейся кухарки. Она же притворялась, что не замечает.

Мама же «жила» в порту: она все еще надеялась, что отыщет родных. Возвращалась к вечеру. Ни с кем не разговаривала. Даже со мной. Изредка спрашивала: «Как прошел день?». Погладит волосы и присядет под раскидистым фиговым деревом... И я все больше молчал. Ведь все вокруг было так ново, а я, ребенок, не понимал, да что там говорить - просто не ощущал ее сумрачного настроения.

Как-то утром мама не смогла подняться... Пришедший доктор долго ее выслушивал, что-то щупал и под конец произнес диковинные слова — дистрофия и малокровие. Мне показалось, что это летучие мыши, прилетающие глубокой ночью. Они дожидаются, когда мама уснет, и высасывают кровь... И еще одно я осознал — маме надо много есть.

На следующее утро я оставил детские игры. Пошел в порт и стал умолять главного грузчика дать работу. Он и слушать не желал, даже пригрозил: «Если не отстанешь,

напущу собак».

А я еще тот упрямец! Он, наконец, не выдержал и приставил меня к французскому броненосцу... Мудрое решение — тяжестей таскать не пришлось. Я стал мальчиком на побегушках — табак купить, спиртное, записку в публичный дом передать...

Прошла неделя... В пятницу грузчик-грек отсчитал пять франков, да еще и похвалил.

Я уже решил, что сделаю с деньгами. Прошел в камбуз броненосца и робко позвал кока: «Анри».

...Признаюсь, я его побаивался — этот чернокожий исполин, всегда в ослепительно-белом, казался ожившим колдуном. Но запах булочек... Он преследовал меня — утром, днем, во сне... Теперь же у меня были монетки - волшебный талисман — и я стал смелее...

Он оторвался от стряпни и что-то весело спросил. Я протянул деньги и с трудом выговорил:

- Brioches...

Анри почему-то захохотал, смахнул деньги с ладошки, подошел к одной из громадных кастрюль, извлек лапшами булочки, завернул в газету и передал мне.

Сквозь бумагу я ощущал тепло. Повернулся, чтобы уйти. Он окликнул. Приблизился, ущипнул щеку и вернул монетку.

Не помню уж, как добежал до приюта, как выложил булочки перед мамой. Она же неожиданно рассердилась:

- Воровство — страшный грех!

Я чуть не заплакал и смог лишь выдать:

- Да нет же мама... Заработал...

- Как? - она не верила.

- В порту. Был грузчиком.

Мама еще некоторое время смотрела на меня с недоверием, затем привлекла к себе и почему-то заплакала:

- Маленькое, глупенькое дитя. Ничего. Скоро тебе

исполнится шесть...

...Дедушка завернул булочки.

- Потом доем.

- Что ты сделал с оставшимся франком?

Он растерялся:

- Какие же это деньги? Так... Мелочь... Ну, на следующий день купил немного сладкой ваты в турецком квартале. Что с этого?..

- Да так, - я чуть было не обидел его опять.

Дед засобирался.

- Засиделся. Надо еще раз проверить газоны, линии. Измерить ширину и высоту ворот. Инспекторы ФИФА - зануды те еще!

- Дед... Ты уж прости. Глупость сказал. Пусть выигрывают испанцы, и храни Бог ноги Рауля.

Он улыбнулся:

- Ага, так то лучше. Да... Поцелуй за меня правнучек.

Дедушка приподнялся, подхватил пакет с булочками и пошел к полю. Пройдя несколько шагов, он остановился и потер лоб. Он всегда так делал, когда хотел что-то вспомнить. Обернулся и как-то виновато попросил:

- Будет время, загляни ко мне, — он смутился. — Вчера я что-то не то нажал и компьютер забарахлил...

Не договорив, он махнул на прощание, развернулся и пошел.

На противоположной кромке поля что-то грохнуло - военный оркестр начал репетицию. Стайка невидимых доселе воробьев вылетела из чаши стадиона и полетела к библейской горе.

Почему-то подумалось: «Жаль, что в Ереване нет продавца воздушных шаров». Было бы так здорово скупить все шарики и разом отпустить дрожащие нити. А потом, закинув голову, долго всматриваться, как растворяются в бирюзовых небесах радужные точки.

Тео Джер

(Тевос Нерсисян)

Любовь сотворила храмы,
Любовь сотворила жизнь,
Любовь сотворила пламя, -
сожжет
оно
мою мысль.
Любовь сотворила ненависть,
Любовь сотворила ад.
Любовь сотворит Антихриста,
на землю
вызовет
град!..

Замок
души
построен!
Заперся
в замке
крепком.
Мир весь
бродит,
я спокоен
В удовле-
творении
цепком...
Замок
души
построен.
Гости
бывают
редко.
Я
одинок
и стоек.
Замок —
вовсе
не клетка.
Замок
души
построен,
Рядом
беснуется
горе...
Ей
не разбить
построек
Лет моих,
опыта,
воли...

Давид, проснись!
Теснят враги,
Нам обеща
ад.
Сплошь саранча,
кругом
ни зги,
С боков темно
и над.
Мы — как один —
в строю
стоим,
Нам нужен ты,
твой клич.
И честь,
и гордость
отстоим,
Ты только нас
услышь.
Одни
остались —
не вини,

Гордыня шла
вперед.
Скорее
в руки
меч возьми,
Пришел и твой
черед.
Здесь каждый
стоит
сотни их,
Готовы к бою
все!
Мы — воины,
мы —
сотники,
Ты —
вождь наш
на коне!

ВОЗРОЖДЕНИЕ на РОДИНЕ

Типография “Ноян Тапан”

Печать офсетная, формат 60x84 1/16, Усл. печ. л. 4.25,

Подписано к печати 13/06/07,

РА, Ереван 0009, Исаакян 28

тел.: (374 10) 565965

E-mail: contact@nt.am

URL: <http://www.nt.am>